

УДК 343.973

Д.В. Бахарев, канд. юрид. наук, завкафедрой экономики и права
Сургутского государственного педагогического университета

**СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ ПРЕСТУПНОСТИ
В РАБОТАХ ЭКОНОМИСТОВ: ПОМОЩЬ ИЛИ ПРЕПЯТСТВИЕ
ДЛЯ КРИМИНОЛОГОВ?**

Дается критический анализ диссертационных исследований, связанных со статистическим анализом влияния социально-экономических факторов на уровень преступности. Указывается на методологические и иные ошибки, допускаемые авторами таких исследований, указываются пути корректного анализа соответствующих проблем.

Проблема исследования социально-экономических факторов преступности является, без сомнения, одной из наиболее значимых в криминологической науке уже на протяжении двух последних столетий, сохраняя свою актуальность и в наши дни. Её решение представляется невозможным без использования новейших достижений не столько юриспруденции, сколько смежных с ней отраслей знаний, также имеющих предмет своего изучения общество, – экономики, социологии, социально-экономической географии и т.д. Тем интереснее для криминологии представляются результаты подобных исследований, в частности диссертация по специальности 08.00.12 «Бухгалтерский учет, статистика» на тему «Статистический анализ влияния социально-экономических факторов на уровень преступности в регионе» А.В. Швецова. Попытаемся определить, какие выводы и наблюдения из указанной работы могут оказать помощь последующим исследователям указанной проблематики.

Рассматривая вопрос о влиянии на уровень преступности социально-экономического положения региона (на примере Республики Марий Эл), А.В. Швецов анализирует динамику основных социально-экономических показателей данного субъекта за период с 1999 по 2003 г.¹ Отметив положительные тенденции развития экономики, автор тем не менее говорит о наличии процесса экономического расслоения общества наряду со значительным снижением уровня жизни части населения². Далее, рассмотрев удельный вес отдельных видов преступлений, автор делает вывод о том, что в 2003 г. кражи, грабежи, разбои и преступления в сфере экономики составили большую

¹ См.: Швецов А.В. Статистический анализ влияния социально-экономических факторов на уровень преступности в регионе: дис. ... канд. экон. наук. М., 2006. С. 16-20.

² См.: Там же. С. 20.

часть всех зарегистрированных преступлений. Подобный характер совершаемых преступлений А.В. Швецов объясняет «нестабильностью экономики и морально-психологической атмосферой в обществе»¹.

Затем, отметив значительное снижение количества зарегистрированных преступлений в 2003 г. по сравнению с 1999 г., автор заявляет, что преступность «имеет ещё довольно высокий уровень, и в основе её лежат глубокие социально-экономические корни»². В последующем автор делает вывод о взаимосвязи положительных сдвигов в социально-экономической сфере с уменьшением общего уровня преступности в регионе, а для выявления «степени зависимости между отдельными видами преступлений и социально-экономическими показателями» А.В. Швецов вычисляет парные коэффициенты корреляции между ними за 2003 г. По результатам исследования зависимости тяжких и особо тяжких преступлений от социально-экономических показателей он устанавливает зависимость данного вида(!) преступлений от изменения среднедушевого дохода, а говоря о кражах, автор считает, что «данный вид преступлений имеет очень тесную связь с уровнем среднедушевого дохода и уровнем валового регионального продукта на душу населения»³. Как могут быть взаимосвязаны «виды преступлений» с социально-экономическими показателями, для нас остаётся загадкой. Налицо крайне слабое знакомство диссертанта с основными категориями криминологической науки. Аналогично, исследуя «зависимость грабежей и разбоев от социально-экономических показателей», автор устанавливает тесную связь «данных видов преступлений с уровнем безработицы»⁴.

Следующий параграф «Социально-криминологическая характеристика преступности в Республике Марий Эл» написан ещё более сумбурно и несвязно, тем более что автор во введении и не ставил перед собой задачи дать подобную характеристику. Да и вообще, исходя из содержания материала, непонятно, что же именно автор подразумевает под «социально-криминологической характеристикой», поскольку ни одного теоретического положения по этому вопросу им не приведено, а в тексте анализируется лишь проблема криминальной активности представителей различных социальных групп (без определённого места жительства, безработные, не имеющие постоянного источника доходов, несовершеннолетних и т.д.)⁵.

Затем, после констатации факта увеличения числа осуждённых подростков в 2003 г. по сравнению с 2004 г., совершивших преступления в состоянии алкогольного опьянения, А.В. Швецов почему-то резко переходит к местам совершения хищений, говоря, что чаще всего они совершаются «в

¹ Швецов А.В. Указ. соч.

² Там же. С. 22.

³ Там же. С. 16-24.

⁴ Там же. С. 28.

⁵ См.: Там же. С. 33-41.

сельском хозяйстве (7,7% от общего числа осужденных за эти виды преступлений), в торговле и общественном питании (9,4%)»¹. Тут же автор, ссылаясь на мнение Э. Сатерленда, говорит о регионах повышенной делинквентности, а также о существовании «беловоротничковой» и «респектабельной преступности», которая «по своей общественной опасности может конкурировать с преступностью общеуголовной». И здесь же, опять без всякой связки, диссертант заявляет: «Резкое социально-экономическое расслоение общества порождает конфликты между богатыми и бедными слоями населения, выражающиеся в...совершении актов вымогательства части доходов преуспевающих предпринимателей молодыми людьми, не имеющими работы и ориентированными на немедленное обеспечение любыми способами своего стремления жить не хуже, и в поджогах особняков; актах вандализма в отношении дорогих иностранных машин и др.»².

После подобного пассажа, более подходящего для какого-либо публицистического издания, нежели для научной работы, автор (опять вне всякой логики) пишет: «Криминологические исследования (какие именно? – Д.Б.) указывают на необходимость первоочередного учёта (с какой целью, для чего? – Д.Б.) следующих явлений и процессов в экономической жизни общества: состояние и развитие производства, обеспечение имеющихся у населения потребностей и интересов..., получение им стабильного и обеспечивающего достойную жизнь дохода». И дальше, никак не заканчивая предыдущую мысль, А.В. Шевцов «плавно» переходит к анализу динамики преступлений в Республике Марий Эл, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, а затем – к динамике рецидивной преступности³.

В итоговом выводе по главе говорится: «Таким образом, анализ основных видов преступлений, совершаемых в Республике Марий Эл, показывает, что, несмотря на все принимаемые меры (какие именно, кем принимаемые? – Д.Б.), республика остаётся очагом криминогенной напряжённости»⁴. Из чего следует такой вывод, абсолютно непонятно, ведь отсутствует какое-либо сравнение степени криминогенности данного субъекта с другими регионами. Да и вообще, не ясно, как можно прийти к такому выводу, анализируя, как это сделал автор, «основные виды преступлений». И наконец, «венчает» совокупность выводов следующая мысль: «Одной из причин роста преступности в РМЭ является недостаточное финансирование милиции. Средств федерального бюджета, выделяемых республике для финансирования работы ОВД, явно недостаточно»⁵. Эту декларацию, наверное, не стоит и комментировать, оставив её исключительно на совести диссертанта.

¹ Шевцов А.В. Указ. соч. С. 40-41.

² Там же. С. 41-42.

³ См.: Там же. С. 42-43.

⁴ Там же. С. 43.

⁵ Там же.

В следующем параграфе автор предпринял попытку дать сравнительную оценку социально-экономической эффективности развития регионов Приволжского федерального округа. При этом опять же без единой ссылки на уже имеющийся обширный научный «задел» в данной области А.В. Швецов без всякой аргументации своих действий решает исследовать уровень качества жизни населения, оставляя вне своего диапазона весь остальной массив социально-экономических показателей регионального развития. Мало того, размышляя о качестве жизни, автор даже не упоминает в работе о такой важнейшей категории экономической науки, как *благосостояние*, являющейся базовой дефиницией при исследовании проблем качества жизни населения. Отсюда вполне естественным представляется и то обстоятельство, что автор не обратился ни к классическим работам в данной области (А. Пигу, В. Парето, А. Сен и др.), ни к современным российским исследованиям (Н.М. Римашевская, Н.В. Зубаревич, Р.В. Рывкина, М.А. Можина, С.А. Айвазян и др.). Подобный подход не замедлил сказаться как на качестве, так и на достоверности результатов исследования самого диссертанта. Так, в качестве универсального показателя для проведения сравнительной оценки социально-экономической эффективности регионов Приволжского федерального округа автор, непонятно, по какой причине, выбрал, наверное, самый простейший критерий социально-экономической эффективности (СЭЭ), исчисляемый как произведение показателя ожидаемой продолжительности жизни населения при рождении (ПЖ) и показателя валового регионального продукта на душу населения (ВРП_{душ}). Далее автор ранжирует регионы Приволжского федерального округа в зависимости от значений данного показателя в 1999 и 2003 гг. По результатам исследования Республика Марий Эл находится по данному показателю на предпоследнем, 13-м месте среди других регионов ПФО как в 1999, так и в 2003 гг.¹ По показателю же уровня преступности и в 1999 и в 2003 гг. республика находилась на 3-м месте среди других регионов ПФО. Наверное, учтя данное обстоятельство, автор решил выдвинуть гипотезу об обратной взаимосвязи уровней преступности и социально-экономической эффективности. В целях иллюстрации данного постулата он производит сравнение динамики этих показателей в период с 1999 по 2003 гг., которое, действительно, демонстрирует снижение уровня преступности с одновременным увеличением показателя социально-экономической эффективности региона². Вместе с тем, на наш взгляд, в логике автора есть ряд как фактологических, так и методологических ошибок. В частности, говоря о снижении уровня преступности в 2002 г. (причём в масштабах практически всей страны), А.В. Швецов забывает упомянуть о том, что данное уменьшение было вызвано в первую очередь вступлением в

¹ См.: Швецов А.В. Указ. соч. С. 47.

² См.: Там же. С. 49-50.

действие обновлённого уголовно-процессуального законодательства, коренным образом затруднившего деятельность правоохранительных органов, что выразилось в значительном сокращении от регистрации фактов совершения преступлений. Даже на примере Республики Марий Эл чётко видно: составивший в 2002 г. показатель уровня преступности в 1748 преступлениях в 2003 г. составил 1966, а в 2004 г. уже равнялся 2383, то есть формально превысил показатель 2001 г. (2382). Кроме того, иллюстрируя свою мысль примером Республики Марий Эл, автор почему-то не обращает внимания на следующий очевидный факт: упомянув о том, что Пензенская область занимала последнее место по уровню ССЭ среди регионов ПФО как в 1999, так и в 2003 гг., его почему-то не заинтересовал вопрос о динамике уровня преступности в данном субъекте федерации в указанный период. Дело в том, что по этому показателю Пензенская область занимала последнее место, т.е. уровень преступности был там самый низкий в Приволжском федеральном округе. Таким образом, только один данный факт ставит под сомнение всю и без того шаткую систему доказательств автора, более подходящую (если подходить объективно) для курсовой работы студента-третьекурсника, нежели для работы на соискание степени кандидата наук.

В следующем параграфе А.В. Швецов также, используя метод регрессионного анализа при помощи парных и частных коэффициентов корреляции между отдельными социально-экономическими показателями (никак не аргументируя их выбор) и уровнем преступности, а также уровнем отдельных видов преступлений, показывает, что величина уровня преступности во многом определяется уровнем зарегистрированной безработицы. Этот же фактор, наряду с долей экономически активного населения, влияет, согласно выводам автора, на уровень зарегистрированных краж и т.д.¹

И далее, при помощи методики кластерного анализа автор производит многомерную классификацию субъектов ПФО по уровню социально-экономического развития в 2003г. В соответствии с ней все субъекты ПФО разделены на 4 кластера. Республика Марий Эл вошла в состав группы субъектов с наименьшими показателями социально-экономического развития наряду с Пензенской областью, Чувашской Республикой и Республикой Мордовией, тогда как в кластер наиболее развитых в этом отношении регионов вошли Самарская и Пермская области, а также Республика Татарстан². Такая ситуация, на взгляд А.В. Швецова, ещё раз доказывает его вывод о взаимосвязи уровня социально-экономического развития региона и степени его криминогенности³. Однако почему-то автора не смутил тот факт, что, несмотря на определённую однородность в плане социально-экономических

¹ См.: Швецов А.В. Указ. соч. С. 51-56.

² См.: Там же. С. 66.

³ См.: Там же. С. 76.

показателей, регионы, входящие в состав одного кластера, демонстрируют различный уровень преступности в них в 2003г.: 1-й кластер (Самарская область – 1882, Пермская область – 3113, Республика Татарстан – 1559) и 2-й (Пензенская область – 1158, Чувашская Республика – 1614, Республика Мордовия – 1513, Республика Марий Эл – 1966 преступлений), т.е. один из наиболее развитых в экономическом плане субъектов – Пермская область характеризуется уровнем преступности, который практически вдвое превышает уровень преступности большинства из депрессивных регионов (за исключением Республики Марий Эл), а уровень преступности в другом «гиганте» – Самарской области – опять же значительно превышает аналогичные показатели трех из четырех регионов 2-го кластера (исключая снова только Республику Марий Эл). Таким образом, средний уровень преступности в регионах 1-го кластера – 2184 преступления – намного превышает эту же цифру в регионах 2-го – 1562, т.е. подобная картина скорее опровергает выводы диссертанта, нежели их подтверждает. И данный факт плачевен, потому что сама концепция о взаимосвязи социально-экономического положения региона и уровня преступности в нем, на наш взгляд, заслуживает безусловной поддержки и нуждается в тщательных исследованиях, сопровождающихся обоснованными выводами. Однако автору проанализированной работы это, к сожалению, не удалось, и причин в данном случае несколько.

Во-первых, в процессе анализа диссертации А.В. Швецова крайне интересно было обратиться к списку литературы и источников, использованных автором при написании работы, поскольку этот раздел является своего рода «визитной карточкой» диссертации: по нему (даже ещё не приступая к чтению основного текста) можно с большой долей вероятности предварительно оценить как степень проработанности темы исследования, так и уровень научной эрудиции автора. В данном случае, уже на этом этапе возникла определённая тревожность по поводу содержания, качества, достоверности и научности диссертационного исследования, поскольку из 163-х наименований литературы и источников, указанных автором, 34 представляют собой учебные и учебно-методические работы, что не приветствуется даже в дипломных работах, не говоря уже о кандидатских диссертациях.

Во-вторых, опять же затрагивая проблему качества использованной диссертантом литературы, неприятно поразил тот факт, что автор в процессе написания работы не обратился ни к одному(!) диссертационному исследованию по схожей проблематике, например, хотя бы к работе Ю.А. Токарева¹. Возможно, это позволило бы А.В. Швецову более осторожно отнестись к

¹ См.: Токарев Ю.А. Методология статистического исследования территориальной дифференциации преступности в Российской Федерации и её факторов: дис. ... канд. экон. наук. Самара, 1999.

формулировке научной новизны своего исследования, заявляя, что им предложена «методика выявления социально-экономических факторов, оказывающих наиболее существенное влияние на формирование криминогенной ситуации в субъектах ПФО»¹, тогда как этот вопрос уже исследовал вышеуказанный автор, причём на гораздо более высоком научном уровне².

И наконец, третьей, главной, на наш взгляд, причиной неудовлетворительного результата проведённого автором исследования является недостаточная научно-методическая подготовленность диссертанта в плане формулировки аппарата исследования, построения его на логичной и поступательной основе (на что уже обращалось внимание выше). Рассогласованными получились не только задачи исследования и содержание глав и параграфов работы, но даже объект и предмет исследования. Так, А.В. Швецов называет в качестве объекта своего исследования субъекты Приволжского федерального округа, а в качестве предмета – совокупность показателей, характеризующих развитие регионов ПФО. Тогда как, по нашему мнению, более правильным было бы определение в качестве объекта социально-экономическое положение регионов Российской Федерации, а качестве предмета – исследование влияния социально-экономических факторов на уровень преступности в регионе с помощью методов статистического анализа. Казалось бы, это пустая формальность, однако подобные проанализированной работы заставляют всерьёз задуматься о значении грамотно сформулированного аппарата исследования для его полноценной реализации.

Конечно, для создания полностью объективной характеристики анализируемой работы необходимо было бы дать критический анализ концептуальных подходов автора к предмету своего исследования, однако, учитывая все предыдущие замечания, в данных обстоятельствах это вряд ли имеет смысл.

Итак, говоря о значении данной работы экономической направленности для криминологических исследований проблем социально-экономических факторов преступности, необходимо констатировать, что оно, к сожалению, крайне невелико, если вообще имеется. Будем надеяться, что высказанные замечания будут учтены не только самим автором работы, но и в первую очередь другими исследователями данной проблематики, и это скажется на качестве и достоверности таких сложнейших и актуальнейших междисциплинарных научных исследований.

¹ Швецов А.В. Указ. соч. С. 7.

² См.: Токарев Ю.А. Указ. соч. С. 106-130.

D.V. Bakharev

**MODERN RESEARCH ON THE SOCIO-ECONOMIC FACTORS OF CRIME
IN THE WORKS OF ECONOMISTS: HELP OR HINDRANCE TO CRIMINOLOGISTS?**

The article presents a critical analysis of dissertation research related to the statistical analysis of the impact of socio-economic factors on crime rates. Author focuses on methodological and other mistakes made by the authors of these studies and indicates the correct path of analysis of relevant issues.

УДК 343.534

И. Р. Бегишев, соискатель Института экономики, управления и права,
Казань

**О КРИМИНАЛИЗАЦИИ НЕЗАКОННОГО ОЗНАКОМЛЕНИЯ
С ОХРАНЯЕМОЙ ЗАКОНОМ ЦИФРОВОЙ ИНФОРМАЦИЕЙ**

Рассматривается проблема криминализации незаконного доступа к цифровой информации, не повлёкшего последствий, указанных в ст. 272 УК РФ. Указывается, что такой доступ может считаться общественно опасным, ввиду чего необходимо дополнить ст. 272 УК РФ указанием на ознакомление с информацией как возможное последствие данного деяния.

Статья 272 УК РФ «Неправомерный доступ к компьютерной информации» устанавливает ответственность за неправомерный доступ к компьютерной информации, если это деяние повлекло уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование информации, нарушение работы ЭВМ, системы ЭВМ или их сети.

Обязательным признаком объективной стороны преступления, предусмотренного данной статьёй, являются указанные выше последствия.

Это означает, что, несмотря на то, что доступ может быть неправомерным, но если он не повлечёт за собой перечисленных в вышеупомянутой статье УК РФ последствий, такой доступ к компьютерной информации не может считаться преступлением.

Под уничтожением цифровой информации следует понимать полное или частичное удаление информации, например файлов из памяти компьютера, с утратой её целостности. Возможность восстановления уничтоженной цифровой информации не исключает ответственности за уничтожение информации в результате неправомерного доступа к ней.

Под блокированием компьютерной информации следует понимать временное и постоянное затруднение доступа к ней.